

ной, а главное, космической техники приобрел поистине всеземной, **планетарный** характер. В приобретении современной геополитикой универсального, всемирного и планетарного характера и заключается ее **глобализация**.

Важное значение для контроля и удержания пространств приобретают все более не военные, а экономические и информационные факторы. Преимущество в такой борьбе получают не только самые мощные в военном отношении, но и самые развитые в научно-техническом и технологическом отношении державы. Глобальность географического пространственного фактора ведет к глобализации политики. Субъектами этой политики теперь являются не только национальные государства; к ним следует добавить универсальную международную организацию (ООН), другие международные ассоциации, транснациональные корпорации, региональные и национальные организации, частных лиц. Структура геополитики явственно дифференцируется, как я уже отмечал, на **глобальную, региональную и локальную**.

Н. А. Баранов

О хрупкости демократических систем

К концу XX века стало очевидным, что демократия, как форма организации общественно-политической жизни, утвердилась в качестве определяющего пути развития для многих стран, ее ценности распространились в общественном сознании больших масс людей. Одной из основных причин такого успеха стала предоставляемая демократией возможность для всестороннего и наиболее равноправного развития личности.

Демократия находится в постоянном развитии, самообновлении, поэтому демократии различных исторических эпох не тождественны друг другу. В то же время во всех исторических проявлениях демократии имеются общие сущностные черты, характерные для данного политического явления и позволяющие их соотнести с демократией. Самовоспроизводясь и видоизменяясь, эти черты трансформируются, дополняя демократию новыми характеристиками, влекущими за собой новое содержание. Таким образом, происходит развитие демократии и адаптация ее к новым политическим реалиям, исходящим из потребностей общества.

Широкое распространение демократических преобразований во многих странах мира не означает беспрепятственного развития этого политического явления. Демократия является хрупкой системой и, если не создавать соответствующих условий для ее поддержания, то она будет разрушена. Общество ожидает, зачастую, немедленной отдачи от избранной власти, не задумываясь над тем, что сами граждане делают для того, чтобы система работала эффективно, чтобы представители народа выражали его интересы, были подконтрольны и управляемы. Такая проблема характерна и для России, как для страны, вставшей на путь демократического развития, граждане которой не избалованы вниманием власти и не искусшены в демократических тонкостях и нюансах.

Как показывает опыт развитых стран, у демократии существуют серьезные проблемы, разрешение которых является необходимым условием ее эффективного функционирования. Эти проблемы Жан Бешлер называет «искаженными демократиями»¹, Норберто Боббио – «невыполненными обещаниями демократии»², Филипп Шмиттер – «угрозами демократии»³,

¹ Бешлер Ж. Демократия. Аналитический очерк. – М., 1994. – С. 168–187.

² Bobbio N. Il futuro della democrazia: Una difesa delle regole del gioco. Torino, 1985. – P. 4 – 20.

³ Шмиттер Ф. К. Угрозы и дилеммы демократии // URL: <http://www.russ.ru/antolog/predely/1/dem2-2.htm>

Шмуэль Эйзенштадт – «хрупкостью современных демократических режимов»¹.

Роберт Даль отмечает неравенство граждан в качестве фундаментальной проблемы во всех демократических странах². Перспектива развития демократии, с его точки зрения, зависит от степени приближения демоса (народа) к элите, принимающей решения. Совершенствование граждан, их активное участие в жизни общества и государства является необходимым условием развития демократии. И чем выше уровень политического участия, чем ближе граждане к постоянно возрастающему уровню требований к участникам политического процесса, тем ближе демократия к своему идеалу, к которому можно и нужно стремиться, но которого достичь невозможно.

Дж. Сартори истинным врагом, угрожающим демократии, считает требование более «чистой» и совершенной демократии³. Демократия не может не вызвать создания мифов, благоприятных для нее, но, своевременно не реализованные, мифы превращаются в утопию, разрушающую демократию. Он также считает, что демократия чревата тиранией, но носителем этой угрозы является не большинство, способное ослабить центры власти, а меньшинство, которое может воспользоваться трудностями демократической системы либо для ее уничтожения, либо для придания ей закрытого олигархического характера.

Важнейшей проблемой демократии является принцип большинства при принятии коллективного решения. Так, американский политолог Дан-кварт Растоу считает, что «демократия – это система правления временно-го большинства»⁴. Значительная часть исследователей признают несовершенство данного принципа, но не могут предложить другой универсальной альтернативы. Опыт различных демократических стран свидетельствует о том, что в различных обстоятельствах демократический процесс может быть реализован с другими принципами принятия коллективных решений, которые учитывают условия, в которых они будут приниматься.

Но есть ли у демократического процесса такие альтернативы, которые способны достичь большего успеха? Роберт Даль убежден в том, что у демократического процесса более совершенной альтернативы нет, а его недостатки могут быть исправлены путем создания реального альтерна-

¹ *Эйзенштадт Ш. Н.* Парадокс демократических режимов: хрупкость и изменчивость (I, II) // *Полис*. – 2002. – № 2. – С. 67–81. – № 3. – С. 81–95.

² *Даль Р.* Демократия и ее критики. – М., 2003. – С. 505.

³ *Sartori G.* Democrazia e definizioni. – Bologna, 1972. – P. 46, 96.

⁴ *Растоу Д. А.* Переходы к демократии: попытки динамической модели // *Полис*. – 1996. – № 5. – С. 7.

тивного процесса для усовершенствования ряда специфических решений или политических стратегий в рамках демократической системы или усовершенствования самого демократического режима. В то же время определенная степень нарушения демократических принципов в состоянии оказаться приемлемой в качестве платы за преимущества демократического процесса¹.

А. Пшеворский называет демократию системой упорядоченной неограниченности или организованной неопределенности². Эта неопределенность также является той угрозой, которая может стать решающей при определении судьбы демократии. При авторитаризме, а особенно при тоталитарном строе, людям все понятно: кто осуществляет власть, от кого ожидать тех или иных щедрот. В условиях же неопределенности, к которым люди не сразу могут адаптироваться, а некоторые вообще не смогут этого сделать никогда, возникает соблазн возврата к той простой схеме, к которой все привыкли: лидер (вождь) – партия – народ. Система проста и понятна, и это является самой главной опасностью для демократии в странах, вставших на новый для себя путь развития. Как сделать демократию «полезной» для человека, отвечающей его интересам и подконтрольной обществу – вопрос, над решением которого работают ученые и политики многих стран. По мнению А. Ю. Мельвиля, именно неопределенность результатов демократического процесса при определенности его процедур как базовой черты демократии служит объяснением тому, что в реальной политической жизни мы сталкиваемся с весьма различными типами и формами демократии и целым спектром разных политических систем и режимов (полудемократических и полуавторитарных), которые можно расположить в континууме между демократией и авторитаризмом³.

Угрозы демократии могут исходить как со стороны народных масс, так и со стороны элиты. Теория демократии предполагает, что основополагающие ценности – личное достоинство, равенство возможностей, право на инакомыслие, свобода слова и печати, религиозная терпимость, правовая культура – надежнее всего обеспечивается за счет расширения участия масс в политике. Исторически массы, а не элиты считались хранителями свободы. Однако в XX веке именно массы стали наиболее восприимчивы к соблазнам тоталитаризма. Т. Дай и Л. Зиглер, анализируя демократию в США, пришли к выводу, что элиты оказывают большую под-

¹ Даль Р. Демократия и ее критики. – М., 2003. – С. 269–270.

² Пшеворский А. Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке. – М., 2000. – С. 31.

³ Мельвиль А. Ю. Демократические транзиты (теоретико-методологические и прикладные аспекты). – М., 1999. – С. 18.

держку основным ценностям демократии и «правилам игры», чем массы. И именно потому, что массы откликаются на идеи и действия демократично мыслящих элит, либеральные ценности сохраняются.

Анализируя поведение масс в условиях американской демократии, Питер Бахрах писал: «Широко распространенная приверженность общества фундаментальным нормам, лежащим в основе демократического процесса, рассматривалась теоретиками классической демократии в качестве неотъемлемого элемента выживания демократии... Сегодня же социологи склонны отвергать эту точку зрения. Они поступают так не только из-за сомнений в приверженности «неэлит» свободе, но также и потому, что растет убежденность, что «неэлиты» по большей части вдохновляются в политических вопросах элитами. Эмпирический вывод о том, что поведение масс обычно является реакцией на позицию, предложения и образ действий политических элит, дополнительно подтверждает точку зрения, что ответственность за сохранение «правил игры» лежит на плечах элит, а не народа»¹.

Однако, несмотря на то, что элиты больше, чем массы, преданы ценностям демократии, они зачастую отказываются от этих ценностей в кризисные периоды и обращаются к репрессиям. Активность масс и репрессии элит нередко сочетаются, создавая многочисленные угрозы демократии. Активность масс, проявляющаяся в бунтах, демонстрациях, экстремизме, насилии, пробуждает страх и чувство опасности у элит, которые отвечают ограничением свободы и усилением мер безопасности. При этом инакомыслие ставится под сомнение, пресса подвергается цензуре, ограничивается свобода слова, представители потенциальных контрэлит попадают в тюрьмы, а полиция и силы безопасности укрепляются во имя «национальной безопасности» или «закона и порядка». Элиты сами себя убеждают, что эти шаги необходимы для сохранения либеральных демократических ценностей. Т. Дай и Л. Зиглер заключают: «Ирония заключается в том, что, пытаясь сохранить демократию, элиты превращают общество в менее демократичное»².

С. Хантингтон считает, что препятствия для демократизации стран можно подразделить на три широкие категории: политические, культурные и экономические. В качестве одного из потенциально значимых политических препятствий он выделяет недостаток опыта демократического правления, что проявляется в отсутствии приверженности демократическим ценностям политических лидеров. Сущность культурных препятствий лежит в отличие великих мировых культурно-исторических традиций

¹ Дай Т. Демократия для элиты. Введение в американскую политику / Т. Дай, Л. Зиглер. – М., 1984. – С. 48.

² Там же. – С. 48–49.

по отношению к свойственным им воззрениям, ценностям, верованиям и соответствующим поведенческим образцам, благоприятствующих развитию демократии. Глубоко антидемократическая культура препятствует распространению демократических норм в обществе, отрицает легитимность демократических институтов и тем самым способна сильно затруднить их построение и эффективное функционирование или вовсе не допустить его. В числе главных экономических препятствий демократического развития американский политолог называет бедность, поэтому будущее демократии он связывает с развитой экономикой. То, что мешает экономическому развитию, является препятствием и для распространения демократии. «Большинство бедных обществ останутся недемократическими до тех пор, пока будут оставаться бедными»¹, – заключает американский ученый.

Для постсоциалистических стран существует особая проблема: введение рыночной экономики и демократии одновременно, причем реформа экономического устройства общества должна проводиться путем принятия политических решений. Такая задача – учреждение класса предпринимателей – не стояла ни в одном из прежних переходов к демократии. Как показывает демократическая практика, именно рынок способствует развитию демократии, а не демократия – появлению рынка. Развитое рыночное общество только до определенной степени делает конкурентную демократию эффективным способом внутригосударственного согласования интересов и достижения социального мира. Клаус Оффе данную дилемму формулирует так: «правовая и представительная политическая система станет адекватной и воспроизводящей легитимность только тогда, когда уже достигнута определенная степень автономного экономического развития»². Проблема усугубляется тем, что политическая культура авторитарного эгалитаризма, разделяемая большинством граждан этих стран, не предполагает ни рыночную экономику, ни демократию в качестве целей реформ.

Рыночную экономику, возникающую в постсоциалистических странах, немецкий политолог называет «политическим капитализмом», который насаждается реформаторской элитой, в отличие от западного образца, движущим мотивом которого становится заинтересованность всего общества в эффективном экономическом механизме. В условиях трудностей с

¹ Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века: пер. с англ. – М., 2003. – С. 338.

² Оффе К. Дилемма одновременности: демократизация и рыночная экономика в Восточной Европе // Повороты истории. Постсоциалистические трансформации глазами немецких исследователей: В 2 т. Т.2: Постсоциалистические трансформации в сравнительной перспективе. – СПб., – М., Берлин, 2003. – С. 11.

социальным обеспечением реформы могут не получить демократическую легитимацию.

Возникает противоречие: рыночная экономика устанавливается в условиях, предшествующих демократии, так как поощрение ее развития происходит путем ограничения демократических прав. Только развитая рыночная экономика порождает социально-структурные предпосылки для стабильной демократии и содействует достижению общественного согласия. Однако, введение такой системы является политическим проектом, который может рассчитывать на успех только при условии демократической легитимности. Если ни демократия, ни рынок не будут желаемыми для большинства населения, то, по выражению К. Оффе, «мы имеем дело с «ящиком Пандоры», полным парадоксов, перед которыми капитулирует любая «теория» перехода»¹. Чтобы демократическое развитие стало реальностью, граждане должны иметь достаточный запас терпения и оптимизма, так как они вынуждены быстро приспосабливаться к новому положению и весьма продолжительное время дожидаться позитивных результатов реформ.

Объективные причины проблем современных демократий многие политологи связывают с процессами глобализации. При этом происходит, по мнению Г. Вайнштейна, «размывание суверенитета национального государства, возрастание «прозрачности» его границ и выявление все большей зависимости его внутренней жизни от внешних факторов глобального характера», что приводит к ограничению властных полномочий национально-государственных институтов, снижая возможности их функционирования в соответствии с принципом демократического правления². С усилением глобальной взаимозависимости государств нарушается прежний демократический порядок управления как политическими, так и социально-экономическими процессами.

Несмотря на все трудности, с которыми приходится сталкиваться демократии на своем тернистом пути, мы живем в демократическую эпоху. Долгое время опасность жизни, свободе и счастью человека исходила со стороны абсолютизма монархий, догматизма церквей, террора диктатур и тоталитарных вождей. Диктаторы и отдельные тоталитарные режимы существуют до сих пор, но они становятся все более анахроничными в современном мире. Нет больше достойной альтернативы демократии, она представляет, по выражению американского политолога Ф. Закарии, «часть модного облачения современности». Таким образом, в XXI веке проблемы правления, по всей вероятности, будут проблемами в рамках

¹ Там же. – С. 15.

² Вайнштейн Г. Меняющийся мир и проблемы функционирования демократии // Мировая экономика и международные отношения. – 2007. – № 9. – С. 11.

самой демократии. Это затрудняет их решение, так как они облачаются в мантию законности.

Законность, а, следовательно, и сила нелиберальных демократий проистекает из того обстоятельства, что они достаточно демократичны. Наибольшая же опасность, которую представляют нелиберальные демократии, напротив, заключается в том, что они дискредитируют саму либеральную демократию, бросая тень на демократическое правление. Ф. Закария считает, что в этом нет ничего необычного. За каждой волной демократии следовал спад, когда система казалась неудовлетворительной, а честолюбивые лидеры и беспокойные массы искали новые альтернативы. Последним подобным периодом разочарования, в межвоенные годы в Европе, воспользовались демагоги, многие из которых были в начале популярны и даже пользовались поддержкой избирателей. Сегодня, перед лицом распространяющегося вируса нелиберализма, наиболее полезная роль, которую может сыграть международное сообщество, заключается не в поиске новых земель для демократизации и новых мест для проведения выборов, а в укреплении демократии там, где она пустила корни, и содействии постепенному развитию конституционного либерализма во всем мире. Демократия без конституционного либерализма не просто неудовлетворительна, но и опасна, ибо она несет с собой уничтожение свободы, злоупотребление властью, этнические противоречия и даже войну¹.

А пока остается актуальным предупреждение, прозвучавшее от аргентинского политолога Гильермо О'Доннелла, относительно гибели демократии. Исследователь выделяет два вида такой гибели: внезапная и медленная. Внезапная смерть происходит вследствие гражданской войны, государственного переворота или какого-либо еще заметного события, которое сразу же привлекает внимание и указывает на точную дату гибели демократии. Но враги демократии действуют и более тонкими и безопасными методами, позволяющими покончить с ней медленно. Постепенно и незаметно происходит эрозия демократических свобод, гарантий и процессов. При этом нельзя указать точную дату, когда демократию следует объявить уснувшей. Можно лишь заметить задним числом период постепенного удушения, когда при каждом затягивании петли демократические деятели как внутри страны, так и за рубежом раз за разом упускали шанс дать отпор, поскольку каждый шаг сам по себе не казался достаточно серьезным для полной мобилизации сил. Медленная смерть коварна: насилие и репрессии, сопровождающие ее, могут быть столь же крупными, как и в случае внезапной смерти, но при этом умирающая демократия способна прикрыться претензиями на сохраняющуюся внутреннюю и ме-

¹ Закария Ф. Возникновение нелиберальных демократий // Логос. – 2004. – № 2 (42). – С. 66.

ждународную легитимность, из-за чего оказывается затруднительным предпринять соответствующие и своевременные внутренние и международные меры¹.

Эволюция развития демократии свидетельствует о том, что ее качество и стабильность никогда не могут считаться чем-то само собой разумеющимся, так как она не является единственной мощной и легитимной моделью правления в сегодняшнем мире. Как отметил в приветствии XX Всемирному конгрессу МАПН Макс Кааз, выбранная тема конгресса – «Работает ли демократия?» – «призвана бросить вызов устоявшемуся мнению о превосходстве демократии и призвана показать, что в мире существует множество разнообразных ответов современных демократий на такие вызовы современности, как изменение демографической ситуации, будущее государства всеобщего благосостояния, закат национального государства»². Лишь при эффективных ответах на вызовы современности демократия может сохраниться как эволюционирующая, но сохраняющая основополагающие качества, форма организации общественной жизни.

¹ *О`Доннелл Г.* Следует ли слушаться экономистов? // URL: http://old.russ.ru/journal/predely/97-11-11/o_donn.htm

² *Кааз М.* Приветствие Президента МАПН конгрессу // Демократия и управление: Информационный бюллетень исследовательского комитета РАПН по сравнительной политологии. – СПб., 2006. – № 2. – С. 20.